

Чжан Цун не осознавал, как быстро крутится мысль в голове императора, и, поспешно подавшись вперёд, снова заговорил:

— От этого Сюй Цзе — решительно нельзя использовать людей!

Ю Цун приподнял бровь, на его лице появилось свойственное молодым людям выражение растерянности:

— Почему?

— Да у него на сердце — одна измена! — с исключительно суровым видом произвел Чжан Цун.
— В прошлый раз этот Сюй Цзе пошёл против воли Вашего Величества, к тому же вёл себя в зале аудиенций заносчиво и бесцеремонно. Прошу Ваше Величество хорошенько всё обдумать!

Ту глупую идею придумал ты сам... Человек-то выступал против тебя, а вовсе не против меня, право слово.

Ю Цун опустил голову и сделал глоток чая, после чего неожиданно произнёс:

— Лу Бин.

— Я здесь, — Лу Бин вышел из тени и почтительно поклонился.

— Моему телу внезапно нездоровится, скоро велю императорскому лекарю заглянуть, — Ю Цун даже не утруждал себя особой игрой, лишь легонько придерживая рукой висок, лениво протянул: — Господин Лу, проводи-ка сначала господина Чжана обратно, а это дело обсудим позже.

Чжан Цун на мгновение опешил, не ожидая от императора такого поворота. Весь его живот, полный слов, застрял в горле, и он сидел там со странным, неловким видом.

Лу Бин ответил коротким возгласом и вновь поклонился, приглашая господина Чжана покинуть место, при этом на его лице не было даже намёка на вежливость.

Ю Цун сообразил, не слишком ли фальшиво он притворился, и на всякий случай снова потёр голову, издав жалобное «ой».

Плохой из меня актёр.

Как бы Чжан Цун ни ломал голову в недоумении, сейчас ему было уже неудобно что-либо говорить, и оставалось лишь подняться и откланяться.

Когда Лу Бин вернулся, император, только что изображавший головную боль, закинул ногу на ногу и преспокойно продолжал лузгать семечки, да ещё и позвал Хуан Цзиня принести ещё тарелку бабоосу.

— Вернулся? — Ю Цун приподнял бровь, слегка выпрямился и знаком указал ему сесть по правую руку от себя.

Сюй Цзе непременно нужно было оставить.

Но вот этот Чжан Цун... к нему тоже следует проявить милость, подкрепленную силой.

Хотя история Китая насчитывает не одно тысячелетие, уловки, к которым прибегали чиновники-литераторы, оставались всё теми же.

Если император не шёл у них на поводу, они либо брались за кисти и поднимали общественное мнение, либо образовывали клики и, голоса словно на похоронах, отправлялись коленопреклоненными к Вэньхуамень.

Те же, кто занимал положение повыше, напрямую угрожали отставкой: не потакаешь их воле — и они бросали работу.

Ныне Чжан Цун хлопотал по поводу столичных поместий для самого императора; если он сейчас бросит дела, это оставит созданные в Цзинбу маленькие ведомства без единого руководителя, и многое превратится в сплошной хаос.

Ю Цун не смел выражать своё отношение и не спешил высказываться.

Он прекрасно понимал: стоит ему сболтнуть хоть слово лишнего, как этот старик непременно придумает способ начать шантажировать его.

Сегодня он убирает Сюй Цзе, а завтра посмеет подступить к Янь Ицину.

Видя, как император с аппетитом лузгает семечки, Лу Бин тихонько уселся сбоку, стараясь ничем не выдавать своего присутствия.

Ю Цун небрежно зачеркнул ещё горсть семечек, бросил взгляд на сидевшего рядом господина Лу с глубоким и выразительным взглядом и подсознательно задержал на нём глаза на пару секунд.

Осознав, что ведёт себя как-то странно, он откашлялся, чтобы сменить тему, и произнёс:

— А Фан, я тут кое-что подзабыл.

— Ведь этого Сюй Цзе в прошлые годы сослали в управу Яньпин, верно?

Лу Бин на мгновение смолк, а затем ответил:

— На второй год Цзяцзин, из-за спора о церемониях.

Ах да, значит, память меня не подвела.

— Тогда... — движение Ю Цуна прервалось, и он медленно произнёс: — Каким же образом он вернулся?

Когда-то прежний хозяин этого тела закрепился у власти при поддержке Чжана Цуна, прогнал отца и сына Янь и отходил палками целый ряд министров.

Чжан Цун в красках расписал множество дурных качеств Сюй Цзе, а злосчастный ребёнок — прежний император — отнёсся к этому на редкость серьезно: добежал до какой-то колонны и вырезал там восемь огромных иероглифов: Сюй Цзе — ничтожный человек, никогда не принимать на службу.

В итоге, по прошествии нескольких десятков лет, этот Сюй Цзе стряхнул пыль с халата и вернулся, дослужившись по пути до должности великого наставника Вэньчжэня — можно сказать, вышло изрядное оскорбление действием.

Ю Цун вспоминал добрую половину дня, но так и не дождался ответа, и с любопытством взглянул на всё ещё молчаливого Лу Бина.

— А Фан?

Стройный и подтянутый стражник Цзиньвей внезапно поднялся, опустился на колени прямо у полы его халата и глухим голосом произнёс:

— Отвечаю Вашему Величеству: в те годы это я подал Вашему Величеству предложение вернуть господина Сюй обратно.

Ю Цун догрыз семечку наполовину, зажав между пальцами шелуху, и почувствовал себя довольно неловко.

Хотя сам он обладал мягким нравом, прежний император — нет.

Сюй Цзе в ту пору, вероятно, был еще более заносчивым юнцом, раз мелким чиновником осмелился так прямо и твердо выступить против Чжана Цуна.

Если бы прежний император тогда пришёл в бешенство... а потом этот Лу Бин ещё и придумал бы способ вытащить Сюй Цзышэна, на него наверняка тоже обрушился бы гнев.

Император медленно опустил семечки, наклонился и, глядя на всё так же опустившего взгляд и стоящего на коленях Лу Бина, тихо промолвил:

— Скажи... я тогда сильно разозлился?

Лу Бин не стал поднимать на него глаз и лишь глухо ответил:

— Ваше Величество, естественно, мудры.

Ага, значит, характер был прескверный, чего доброго, и господина Лу за компанию отходил палками.

Прежний хозяин тела считал его кровным братом, а тот заступался за строптивного чужака — немудрено догадаться, что после этого произошло.

— Встань пока, я на тебя не в сердцах, — Ю Цун с сорняком противоречивых чувств на лице поддержал его за локоть и снова заговорил, когда тот поднимался: — А господин Сюй знал об этом?

Молодой стражник Цзиньвей поднял голову, его глаза по-прежнему оставались спокойными и глубокими.

— Это сделал исключительно Лу Бин, к Сюй Цзе отношения не имеет.

Ю Цун тоже умолк и легко вздохнул.

— Я понял.

Не перенесись он сюда, этот господин Лу, будучи цепным псом императора, учинил бы бесчисленные расправы и конфискации, после чего в различных пьесах его бы изображали бессовестным льстецом, всячески высмеивая при каждом удобном случае.

Но даже несмотря на это, исторический Лу Бин проявлял уважение к конфуцианским чиновникам и ни разу никого не оклеветал.

В последующие десятилетия Чжу Хоуцун то и дело затевал одно кровавое дело за другим, а Лу Бин метался взад и вперёд, изыскивая способы уберечь этих гражданских министров.

— Император часто устраивал суды по тяжким преступлениям, но Лу Бин многое спас и смягчил, проявлял уважение к ученым мужам и не запятнал себя ложным обвинением ни единого человека, из-за чего столичные чиновники превозносили его.

Это была фраза, которую он яснее всего запомнил, когда впервые читал историю династии Мин.

Сколько бы раз Ю Цун ни перечитывал её, он так и не смог до конца понять этого человека в книге.

Свирепый и безжалостный, он мог уморить голодом провинившихся перед императором министров и избить Янь Цзюэ до кровавого месива.

Но он же — сглаживал безумные причуды государя, незаметно ограждая ученых мужей и людей высоких принципов; когда Цзиньвей расследовали крупные дела и дни напроцуд размахивали палками, от ударов брызгала лишь кровь, но человеческие жизни обрывались крайне редко.

Позднее Чжу Хоуцун как-то спросил его: Почему твои палки никогда до смерти не забивают людей?

Ответ Лу Бина гласил: Судьбы сановников находятся в руках Вашего Величества, вы — милосердный и долгоправящий монарх, и даже если я применяю тяжелые наказания, господа министры всё равно спасают свои жизни под сенью вашего милосердия.

И ему удавалось вот так всё замять.

— Ваше Величество? — заметив, что император погрузился в молчание, Лу Бин с лёгким беспокойством произнёс: — Я знаю, что поступил своевольно и перешел границы...

— Нет, Суй Цзе изначально был человеком, созданным для чиновничьей службы, — прервал его Ю Цун. — И после возвращения во дворец он показывал выдающиеся результаты, к нему не подкопаешься — здесь ты поступил правильно.

Император впервые вёл себя так мягко и непринужденно, и от этого Лу Бин чувствовал себя даже несколько непривычно.

За последние годы он привык к переменчивому нраву императора, постепенно и сам сделался изворотливым, научившись тому, как с ним следует держаться.

Но нынешний император словно превратился из острого лезвия в гладкий и чистый нефрит.

Он всё чаще улыбался, больше не гневался и не распекал окружающих, и при этом по-прежнему искусно и неторопливо управлял сановниками.

А сам Ю Цун ещё не замечал его сложного взгляда и продолжал усердно размышлять о своем.

После истории с Сюй Цзе Чжу Хоуцун наверняка всё видел своими глазами, но именно поэтому постепенно отдалил Лу Бина и перестал открывать ему душу.

Все эти императоры до смерти боялись создания тайных клиок и того, что приближенные будут брать взятки и нашептывать им всякую сбивающую с толку чертовщину.

Но Ю Цун был другим.

Он — человек из современного мира, которому «слили концовку» обо всём, что касалось этой династии Мин.

Он видел и ту жизнь Лу Бина, что была озарена славой и залита чужой кровью, и грядущие бури империи Мин.

— А Фан, — император отпил глоток чая и неторопливо произнёс: — Ступай и собери для меня все доказательства взяточничества и казнокрадства Чжана Цуна.

Что? Чжан Цун — и вдруг...

Среди стражи Цзиньвей никогда не ходило подобных слухов!

Чжан Цун всегда держался бережливо и просто, и любой знал, что это честнейший чиновник!

На лице Лу Бина отразилось крайнее изумление, и он невольно поднял взгляд на императора.

— Откуда Ваше Величество в этом так уверено?

Ю Цун не спеша похлопал его по плечу и спокойно произнёс:

— Раз я говорю, что они есть, значит, они непременно найдутся.

— Отныне ты — мой тайный летописец, имеющий право расследовать дела и отдавать распоряжения по всем приближенным сановникам, — Ю Цун сам снял с левой руки нефритовое кольцо с кровавыми прожилками и торжественно положил его на ладонь Лу Бину, сжав его пальцы в кулак: — Запомни: видеть перстень — всё равно что лицезреть самого императора, и если кто-то посмеет ослушаться, можешь принести мне его голову.

Он говорил об этом так небрежно, словно снова подарил ему ветку винограда.

Но Лу Бин прекрасно понимал, что это значит.

Он получал власть расследовать дела даже самых высокопоставленных чиновников высшего эшелона власти, вплоть до права казнить сначала, а докладывать потом.

— Император доверяет ему до такой степени!

— Дело Чжана Цуна тебе следует расследовать через его дворовую челядь, нанятых слуг, — наставительно произнёс Ю Цун: — Извозчики, служанки — всегда найдутся способы зацепиться за ниточку. Веди это расследование по возможности скрытно, не поднимая шума.

Лу Бин крепче сжал в руке ещё хранившее тепло нефритовое кольцо и, глядя на него, произнёс:

— Слушаюсь.

Стоило Лу Бину удалиться, как во дворце разнеслись вести: император ненароком подхватил простуду, к тому же на улице бушевали сильные метели и свирепые ветры, из-за чего утренние аудиенции временно приостанавливались на три дня, и без крайней необходимости являться к лицу императора запрещалось.

Когда Янь Шэнь и Ван Шоужэнь были вызваны во дворец Чяньцин, они еще на подходе к дверям ощутили густой запах отваренных трав.

Молодой правитель кутался в лисью шубу, лицо его казалось слегка бледным.

Он медленно поднялся, желая встретить их, но Ван Шоужэнь поспешно шагнул вперед и поклонился:

— Ваше Величество, берегите здоровье!

Янь Шэнь стоял позади Ван Шоужэня, и выражение его лица было весьма сложным.

— Господин Ван, лекари докладывали, что у вас был сильный кашель. Сейчас вам лучше? — Ю Цун указал им на места для сидения и слабо улыбнулся: — Благодаря вашему усмирению мятежа в Наннине на Юге наконец воцарился порядок.

— Отвечаю Вашему Величеству: старый подданный и впрямь страдал тяжелым недугом легких, но три месяца назад Ваше Величество изволили послать указ, повелевающий мне явиться в столицу, да еще и прислали лекарей для исцеления, — хотя лицо Ван Шоужэня всё еще отдавало желтизной, говорил он гладко и отчётливо, и кашля за ним не наблюдалось: — Теперь мне уже гораздо лучше.

— Вот и славно, по возвращении в столицу не спешите брать на себя государственные дела, сперва поправьте здоровье, — глядя на министра, который в свои пятьдесят с небольшим уже выглядел старым и высохшим, Ю Цун почувствовал прилив облегчения.

В исторических хрониках Ван Шоужэнь из-за переутомления во время подавления военных мятежей и прогрессирующей болезни легких должен был скончаться нынешней зимой.

В эту эпоху не было быстрой связи, и когда он только перенесся сюда, то, поразмыслив туда-сюда, заблаговременно — за несколько месяцев — отправил туда прославленных лекарей с чудесными лекарствами, а заодно распорядился сменить командующих, позволив старому господину Ваню как следует отдохнуть, — и в итоге человека удалось спасти.

— Ваших домочадцев я тоже уже велел доставить сюда через доверенных людей, полагаю, дней через десять они прибудут в столицу, — Ю Цун бросил взгляд на лицо Янь Шэня и негромко добавил: — В столице для вас и господина Яня уже подготовлены по усадьбе, слуги и всё прочее также набраны.

Хотя Ван Шоужэнь повидал виды и обладал выдающимся умом, перед лицом столь щедрой монаршей милости он тоже растерялся и вновь поклонился, благодаря императора за проявленную заботу.

В отличие от мягкого и простого старого господина Ваня, Янь Шэнь, даже не вступая с ним в диалог, излучал скрытое сопротивление, которое Ю Цун отчетливо ощущал.

Не будь императорского указа, он бы ни за что не вернулся в столицу.

И сколько бы он сейчас ни улыбался ему и ни старался успокоить, задобрить этого человека вряд ли удастся.

— Сегодня вы оба утомились с дороги, отдохните пока как следует, — Ю Цун лишь мимоходом глянул на него, а затем снова перевёл взгляд на Ван Шоужэня: — В дальнейшем я буду направлять сопутствующие документы с личным стражником, так что в делах Цзинбу, полагаю, мне еще не раз придется побеспокоить господина Ваня.

— Ваше Величество изволит шутить, — солидно кивнул старик. — Янмин, разумеется, приложит все силы к помощи.

Янь Шэнь полагал, что его ждёт точно такое же успокоение и ласка, однако император лишь вскользь обменялся дежурными любезностями со стариком и велел евнуху Хуану проводить гостей.

С легким удивлением взглянув на этого юношу, уже сбросившего с себя детские черты, он подавил в душе недовольство и гнев, поклонился и откланялся.

Не виделись четыре года, а император уже превратился из юнца в стройного бамбукового журавля, и даже мысли его стали настолько глубоки, что их едва ли возможно разгадать.

Янь Шэнь шел быстрыми шагами, а в его глазах таилась мрачная тень.

Ю Цун в одиночестве сидел в огромном дворце Чяньцин и неожиданно чихнул.

Получив его указ, Лу Бин, судя по всему, пробудет в разъездах и хлопотах дней пять, а то и шесть.

Во всём дворце Небесной Чистоты снова остался он один, и даже посидеть напротив, лузгая семечки и болтая, было не с кем.

Глядя на кружащий за дверями редкий снег, он вновь начал обдумывать дальнейшую стратегию.

Этот Янь Шэнь оказался куда сложнее в обращении, чем Сюй Цзе.

Хотя Сюй Цзе в данный момент всё ещё оставался таким упрямым новичком, он от природы был создан для политических интриг, просто еще не до конца освоился.

Но с Янь Шэнем дело обстояло иначе.

Этому мужчине, которому уже почти стукнуло сорок, четырьмя годами ранее указали на дверь с помощью палочных ударов при дворе.

Его отцом был Ян Тинхэ — первый министр трех царствований, который в бурные времена силой повернул реку вспять и спас династию Мин в час смертельной опасности.

Именно Ян Тинхэ позволил ему получить доставшееся словно с небес императорское место, и именно он сам вышвырнул отца и сына Яней за столичные ворота.

Хотя в этом поступке и впрямь сквозило немало неблагодарности в духе «сбросить мост после переправы», но перенесись он сюда хоть семь лет назад, вряд ли сумел бы проявить такую же жесткость, как прежний хозяин тела.

Он не был способен на ту суровость, что выказал прежний император.

Сам Ю Цун был коренным жителем современного мира, он прошёл через офисные схватки и борьбу, но всё это сводилось к лести и изворотливости, не доходя до того, чтобы рубиться не на жизнь, а на смерть.

Однако Чжу Хоуцун был совершенно другим.

Взошедший на престол в пятнадцать лет, он должен был не только подчинить себе кичливых конфуцианских сановников, но и выкорчевать инакомыслящих в уже сложившейся жесткой среде, чтобы заполучить положенное ему положение и величие.

Не обрушья он тогда на Ян Тинхэ, ему оставалось бы лишь прозябать в роли марионеточного императора, которым помыкает Внутренний кабинет.

Император глубоко вздохнул, потёр руки и велел Хуан Цзиню принести его плащ.

— Куда изволит направиться Ваше Величество? — осторожно осведомился евнух Хуан. — Снаружи падает снег, дороги скользкие, не приказать ли старому слуге подготовить для Вашего Величества паланкин?

— Не нужно, — Ю Цун позволил слугам накинуть ему на плечи верхнюю одежду и мантию и неторопливо произвел: — Я хочу пройти пешком.

Весь Запретный город был укутан в серебряные одежды, и дороги казались покрытыми слоем пушистого крема для торта, на который так и тянуло наступить.

Спрятав обе руки в муфту из собачьего меха, император неспешно и бесцельно шагал вперёд.

Если рассуждать по справедливости, прежний хозяин тела и впрямь поступил крайне подло.

Ветерана трех царств выгнал в два счёта, непревзойденного таланта трижды отходил при дворе палками — если бы, надо полагать, Лу Бин тогда не распорядился приказать людям сбавить силу ударов, тот ни за что не избежал бы гибели.

Когда Ю Цун только велел вернуть Янь Шэня, ему самому хотелось отвесить этому таланту земной поклон с извинениями и попросить его великодушно не поминать старого зла, а впредь относиться снисходительнее.

Но стоило побыть императором целых три месяца, как даже столь тугодумный человек, как он, постепенно прозрел.

В том страшном бедствии четырёх лет давности всё же был неправ именно Янь Шэнь.

И прощения должен просить он, а вовсе не император.

В те времена, когда старик Чжу Юаньчжан ещё был жив, в династии Мин полагалось всего три праздничных дня в году: один день на Новый год по лунному календарю, один на день зимнего солнцестояния и один в день рождения самого старика.

Позднее отпуска стали постепенно расширять: по три дня отдыха в месяц, а с наступлением зимы, в двенадцатом месяце, давался целый месяц зимних каникул.

Узнав об этом обычае в ноябре, Ю Цун, будучи озабочен ворохом государственных дел, прямо распорядился перенести каникулы на первый месяц года.

Пусть уж во время празднования нового года все отдохнут дней двадцать, а по окончании праздников каждый возвращается к делам.

Хотите бросить службу — дотерпите до конца двенадцатого месяца, а уж потом отдыхайте.

Двадцать третье число двенадцатой луны — Малый год.

Ни один из сановников не смел лениться: положено работать — работай, а уж служащие Министерства общественных работ трудились в поте лица, не имея времени даже на то, чтобы поесть.

И именно в этот день из дворца снова пришла весть.

Ради успокоения чиновников в полдень во всех ведомствах давался дворцовый пир: готовые блюда в больших и малых тарелках прямо доставляли в управу, избавляя служащих от хлопот сборы во дворец для личного лицезрения императора.

По всему двору раздали лично пожалованные императором золотые и серебряные листья — во-первых, в качестве награды за тяжелый труд, а во-вторых, чтобы привлечь удачу.

Ведь вещи, пожалованные самим императором, так или иначе несут в себе крупицу благородной ауры.

Одновременно с этим пришли три указа.

Первый: пицзю Гоцзицзяна Сюй Цзе возвышается до левого заместителя министра Министерства общественных работ в чине третьего ранга.

Второй: Ван Шоужэню жалуются почётное звание наставника наследника престола, а также он назначается главой Цзинбу.

Третий: Лу Бин возвышается до легкого колесничего ду Цзиньивей в чине младшего третьего ранга.

Эти три щедрые награды обрушились на столицу подобно громовому раскату.

Глава 19

На носу был Новый год, и всю столицу переполняло полное ожидания праздничное оживление.

Когда на троне ещё сидел Чжу Хоучжао, дворец превратился в настоящий зоопарк, да и весь Пекин погрузился в беспорядок и хаос.

Даже если простой народ желал лишь затишья со своими мелкими делами и мирной скромной жизни, их то и дело против воли затягивало в водовороты разного рода смут.

Но теперь, со вступлением на престол нового императора, не только те знатные господа, что промышляли грабежом и мародерством, были приструнены так, что и пикнуть не смели, но и отнятые земли вернули до последнего клочка. Судя по доносившимся отовсюду слухам, после Нового года в городе прибавится немало полезных новшеств: улучшится транспортное сообщение для удобства передвижения горожан, да и торговлю собирались всемерно поощрять.

Простой люд начал радоваться и ликовать, в то время как чиновники и сановники всё ещё затаив дыхание следили за развитием событий.

Стремительные реформы императора сулили им далеко не одни лишь блага.

Если с них сдерут последние три шкуры, да еще и станут гонять как скот, то такую службу лучше вовсе бросить.

Тройное высокое пожалование в день Малого года заставило помрачнеть лица абсолютно всех.

Император снова затевает смену устоев.

Пять лет назад Ян Тинхэ был смещен со своего поста, а никому не известный выскочка Чжун

Цун вступил на путь стремительного взлета, превзошедшего все ожидания старой гвардии консервативных сановников.

Но теперь...

Первый указ возвышал двадцатипятилетнего Сюй Цзе сразу до чинов третьего ранга.

О репутации Сюй Цзе можно было пока умолчать, но император открыто бил по щеке Чжана Цуна.

Чжан и Сюй издавна не ладили между собой; даже когда Сюй Цзе гладко и ровно восседал в кресле пицзю, господин Чжан всё равно выискивал способы насолить ему и строчил тайные доносы. Теперь же император ясно дал понять, что больше не собирается стоять в стороне, да вдобавок ко всему значительно повысил чин господина Сюй!

Те немногие чиновники, что привыкли держать нос по ветру, в тот же день потащили объемистые свертки с подарками в несколько осиротевший особняк Сюй.

Разумеется, нашлось немало и тех, кто громогласно заявлял о готовности преподнести господину Сюй роскошную усадьбу и наложниц.

Второй указ, внешне выражавшийся в пожаловании старому господину Вану высоких чинов и щедрых жалований, тем не менее, не укрылся от глаз тех, кто обладал хоть капелькой проницательности: возвратившийся вместе с ним господин Янь словно вовсе не существовал — ни слуху ни духу.

Оба — некогда прославленные мужи, доставленные в столицу на бытострочных скакунах.

Если сравнивать происхождение и утонченную ученость, этот Янь Шэнь превосходил старика Вана на голову, так почему же так вышло?

Неужели император до сих пор помнит старую обиду?

Что же до третьего указа...

Прежняя должность Лу Бина — всего лишь седьмоиранговый цзунци.

<http://bllate.org/book/20063/1984653>